

**Сказка Н.С. Лескова «Маланья – голова баранья»
(к проблеме синтеза жанровых прототипов)**

Макаревич Ольга Владимировна

*Аспирантка Нижегородского государственного университета
имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия*

Сказка Лескова «Маланья – голова баранья» – одно из наиболее трудно поддающихся жанровой идентификации произведений писателя, несмотря на авторский подзаголовок – «сказка». Поставленное в контекст житийной литературы, а также представлений народного христианства, запечатленного в жанре легендарной сказки, оно свидетельствует о переработке Лесковым традиционного представления о «праведнике», образе, центральном в творчестве писателя. Раскрывая христианский идеал человеческой жизни, Лесков соединяет формы традиционной агиографической топики и композиционную структуру легендарной сказки, основывая синтез на функциях действующих лиц сказки.

Композиционно текст распадается на 3 части. Первая часть представляет образ Маланьи в контексте житийной топики: героиня живет в отдалении от деревни, на горе, в домике, напоминающем темные кельи, а оценка героини окружающими соотносится с описанием детства святого, которого пытаются заставить следовать общепринятым нормам поведения. Героиня хранит свою верность Божьим заповедям, не боясь осуждения людей. Модель своего поведения Маланья выстраивает, подобно христианским святым, в рамках модуса *Imitatio Christi*: ее идеал – безропотное смирение («Христос терпел – и нам велел»), ее цель – послужить Богу, она «не разбирает, что ей выгодно, а что не выгодно», заботы о материальном благополучии она возлагает на Бога («Даст Бог день – даст и пищу на день»), она всегда приветает странников и нищих. Маланья следует примеру русских святых: для нее предпочтительнее идеал непрерывного труда, нежели молитва и уход от мира [Руди].

Вторая часть, в которой появляется старичок Живая Душа, опровергает агиографическую модель. Перед нами герой, чья функция соответствует народным представлениям о «странствующем божестве» [Пропп], согласно которым Христос путешествует по земле и в наши дни. В легендах или сказках подобного типа святой или Бог «раскрывает» себя только в конце, после того, как герой получает заслуженный дар. В сказке Лескова связь героя-дарителя с Богом опосредованная – он лишь проводник, который «вымолит» у Бога исполнение желания Маланьи. В тексте произведения важен факт переименования героя: он не Святая Душа, но Живая Душа. Понятия, которые кажутся синонимичными, приобретают энантиосемическое значение в структуре сказки. Святая Душа – та, которая помнит «Божье слово», однако этого мало, поэтому Живая Душа ищет «чистой любви». Эта мысль высказывалась Лесковым в переписке с Л.Н. Толстым: «А все-таки мы далеки от Христа, и подойти к нему можно только любовью и чистотой сердца» [письмо от 28 июля 1893 г.]. Мотив «бессчастных» героев сказочного происхождения, однако в традиционной сказке такие герои всегда вознаграждаются Богом именно за свое несчастье.

Мотив прижизненного вознаграждения за совершённые поступки тоже генетически связан с жанром сказки. Если в житии испытывается стойкость веры героя, то в легендарной сказке – его умение сочувствовать другим, не обращая внимания на собственные страдания. Если герой житий осознает, что он «испытывается», то герой легендарной сказки действует бессознательно. Так, Маланья у Лескова даже Смерть «присушивает» случайно, что выражается в словесном обозначении действия персонажа, вошедшем в поговорку: «присохни ты на одном месте» (поэтика данной сказки строится на реконструировании внутренней формы ставших идиоматическими словосочетаний). Желание героини «присушить» Смерть грешно, ведь она нарушает волю Бога, что и осознает позднее («захотела поправлять дела Божии»). Введение этого

мотива в структуру текста ведет к нарушению поэтики жития, в которую вторгается стихия народных верований: «победа» над Смертью может быть сопоставлена с мотивом искушения святого чертом, но святой при этом поддается искушению.

По-видимому, мысль о том, что смерть может исчезнуть, восходит, с одной стороны, к «Откровению Иоанна Богослова» (21:4), с другой стороны, мотив «присушивания» Смерти, имеющей антропоморфный образ, заимствован Н.С. Лесковым из сказки [СУС 330А]. Сюжет имеет несколько вариантов, записанных и опубликованных в XIX веке в сборниках А.Н. Афанасьева и М.П. Драгоманова. Введение его элементов в текст сказки может быть объяснено и тем, что Лесков знал этот сюжет еще в детстве, так же, как и распространенное народное представление о Смерти, появляющейся в образе высокой, красивой, богато одетой женщины. Образ же казачки, скорее всего, призван художественно подчеркнуть независимость смерти, потому что казачка, даже самая бедная, не могла пойти в услужение в другой дом, это было исключено этическими народными представлениями.

Третья часть сказки снова отсылает читателя к традиционной топике жития – мотиву благочестивой смерти. Однако именно смерти Маланье и не дано – она остается жить, продолжая делать то, что делала и раньше. Таким образом переосмысливается традиционная этикетная схема: чудеса, творимые героиней при жизни, совпадают с чудесами, творимыми ею впоследствии, хотя она уже и имени своего вспомнить не может. Из легендарной сказки заимствует писатель и модель осмысления всего творимого Маланьей как предельно реалистичного, какими, по сути, и являются все ее поступки.

Заканчивается сказка двумя совмещенными цитатами: из Псалтыри («Милость и истина встретятся, правда и мир облобызаются» – Пс 84:11) и из книги пророка Исаяи («Тогда волк будет жить вместе с ягненком» – Ис.11:6). Таким образом, синтез двух прототипических жанровых моделей повествования – агиографической и сказочной – позволяет Н.С. Лескову создать свой, в высшей степени убедительный и выстрадавший образ праведницы Маланьи, сопоставимый с образами христианских святых.

Литература

Пропп В.Я. Поэтика фольклора М., 1998.

Руди Т.Р. Житие Юлиании Лазаревской (Повесть об Ульянии Осорьиной). СПб., 1996.

Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979.

«Корень всех зол есть сребролюбие»:

к истории одной пометы Н.С. Лескова в Новом Завете (СПб., 1864)

Минеева Инна Николаевна

Преподаватель Карельской государственной педагогической академии,

Петрозаводск, Россия

Сохранился единственный экземпляр «Нового Завета Господа Нашего Иисуса Христа. СПб., Синод. тип. 1864» с многочисленными пометами Н.С. Лескова.

В Новом Завете писатель помечает изречения, отражающие проверенные временем наблюдения мудрецов над природой человеческого естества, глубинными основами взаимоотношения между людьми.

Так, в I Послании к Тимофею Святого Апостола Павла он подчеркивает слова «*корень всех зол есть сребролюбие*». Эту же строфу с незначительными сокращениями выписывает и на отдельный лист «*Корень зол – сребролюбие. I Тим. VI:10.*» и отчеркивает жирно карандашом первые два слова. Затем в Послании к Евреям Святого Апостола Павла отчеркивает новозаветные слова, оберегающие человека от этого зла: «*Имейте нрав несребролюбивый, довольствуясь тем, что есть*» (13:5). Согласно

богословской трактовке, имение большого ведет к греховным помыслам, тот, кто решил приобрести себе богатство, подвергается разного рода искушениям, влекущим к нравственной гибели, отступлению от веры.

В настоящее время не удалось обнаружить каких-либо автокомментариев по поводу сделанных помет. Между тем выполненное обследование сохранившихся в российских архивах творческих документов позволяет сказать, что Лесков был заинтересован феноменом сребролюбия (алчности, ненасытности) как порока, самой природой сребролюбца. Примеры интересующего типажа писатель нашел в древнерусском Прологе. В ходе изучения этого памятника Лесков настойчиво отмечал поучения, осуждающие один из главных христианских пороков – сребролюбие, и конспектировал их в записную книжку. В записной книжке есть конспекты «Чудо святого Спиридона о житопродавце» (12 декабря), «Слово от жития святого Епифания о житопродавце» (12 мая), «Слово святого Нифонта о сребролюбии» (10 августа). Как свидетельствует сопоставление текстов Пролога и конспектов, писатель конспектировал только те эпизоды, в которых говорится о проявлении этого порока в образах проложных героев. Среди зафиксированных текстов выделяется запись поучения «Чудо святого Спиридона...». Лесков его значительно переработал.

В «Чудо святого Спиридона...» рассказывается о том, как во время голода в Кипрской стране один богатый человек купил много зерна, но не продавал его, ожидая продать дороже по мере того, как станет увеличиваться голод. Когда же голод увеличился, житопродавец обрадовался и стал продавать пшеницу и ячмень по высокой цене. Однажды пришел к нему некий убогий и молил его помочь. Но богач, «жадая на золото и серебро», не помиловал нищего. Убогий поведал о своей нищете и немилосердии, которое проявил житопродавец, святому Спиридону. Утешая убогого, святой пророчествовал: «утро наполнится храм твой жита, сребролюбца же узриши моляща тя и дающа тебе жита без цены». По велению Божьему ночью прошел сильный дождь, вода разрушила житницы богатого человека и разнесла по улицам города весь его хлеб. Сребролюбец плакал и искал помощи у горожан. Увидев приходившего к нему нищего, отдал тому хлеб бесплатно. Так сбылось слово блаженного Спиридона. Все прославили праведный Божий суд.

Текстологические наблюдения убеждают, что проложное «Чудо святого Спиридона...», иллюстрирующее идею Божьего смирения уповающих на множество богатство своего, превращается под пером Лескова в типичный житейский пример проявления человеческого порока, художественную иллюстрацию неизменности (вопреки проложному первоисточнику!) ненасытной, алчной природы сребролюбца. По сравнению с первоисточником, в конспекте в образе богатого человека значительно усилена черта сребролюбие. Такого эффекта писатель достигает за счет коренной правки проложного текста.

Рассмотрение частного примера (I Тим.6:10) выявило, что в Новом Завете Лесков отмечает истины, связанные с выбором пути человека, природой его естества, искушением, нравственной гибелью. Одна из них – «*корень всех зол есть сребролюбие*» – послужила, как видим, объектом добродушной иронии и заделом для будущего произведения.

Проблема интертекстуальных связей произведений Н. С. Лескова с английской и американской литературой

Першина Марина Андреевна

Аспирантка Марийского государственного университета, Йошкар-Ола, Россия

В настоящее время в современных отечественных и зарубежных исследованиях все большее внимание уделяется проблеме интертекстуальных связей, которые определяют содержание и поэтику любого текста. Понятие интертекстуальности впервые было введено известным теоретиком постмодернизма Ю. Кристевой, согласно

определению которой, интертекстуальность есть «текстуальная интеракция, которая происходит внутри отдельного текста» [Кристева: 98]. Иными словами, интертекстуальные связи характеризуются постоянным взаимодействием отдельных текстов, которые ссылаются друг на друга путем включения различных интертекстов, минимальных единиц данных отношений.

Произведения Н.С. Лескова, безусловно, отличаются сложностью, многослойностью значений, будучи пронизанными цитатами, аллюзиями и реминисценциями, часто открываясь эпитафиями из других текстов. Англоязычная литература представлена в творчестве писателя в виде различных интертекстов: группой образов, сюжетов и даже литературных жанров, с которыми оно связано интертекстуальными отношениями.

В частности, английская литература в качестве претекста представлена в творчестве Н.С. Лескова произведениями таких мировых классиков, как Дж. Г. Байрон, Дж. Галл, О. Гольдсмит, А. Радклиф, Л. Стерн, а также поэтов Р. Бернса, Т. Мура и А. Поупа. Н.С. Лесков также цитирует известных современных ему писателей: Ч. Диккенса, Дж. Кавану, У. Теккерея и Э. Троллопа. С помощью отсылок на творчество английских классиков и современников писатель создает оригинальную метафорическую атмосферу в произведении, подчеркивает характеры и чувства персонажей. Так, например, произведение английской писательницы А. Радклиф «Сицилийский роман» упоминается в романе «Некуда», чтобы создать темную готическую атмосферу гнетущего, вызывающего страх места: *«Юлия, или подземелья замка Мадзини» и все картинные ужасы эффектных романов лэди Редклиф вставляли в памяти Розанова, когда они шли по темным коридорам оригинального дворца* [Лесков: 288], а судьба персонажа романа Дж. Каваны – чтобы передать глубину душевного расстройства героини: *Лиза испугалась и не знала, что с собой делать: ей пришла на ум жена Фарстера в королеве Мааб, и перспектива быть погребенною заживо ее ужаснула* [Там же: 662]. С точки зрения жанрообразования целый цикл святочных рассказов Н.С. Лескова связан с рождественскими повестями Ч. Диккенса «Рождественская песнь», «Колокола», «Гонимый человек» и другими. Позиции писателя по некоторым социальным и философским вопросам характеризуют интертекстуальные связи в его произведениях с работами известных английских историков и философов, как Ф. Бэкон, Т. Карлейль, Т.Б. Маколей, Дж. Милль, Дж. Морлей, С. Смайлс и Г. Спенсер.

Наиболее часто в качестве интертекста в произведениях Н.С. Лескова выступает творчество знаменитого английского поэта и драматурга У. Шекспира, в особенности его пьесы «Гамлет, принц датский», «Макбет», «Сон в летнюю ночь», «Король Лир», «Отелло» и другие. Интертекстуальные связи в данном случае прослеживаются не только на уровне таких интертекстов, как цитаты, аллюзии, реминисценции, но также в системе образов героев и символов, в плане сюжетно-композиционного построения. В частности, само заглавие повести «Леди Макбет Мценского уезда» отсылает читателя к трагедии У. Шекспира «Макбет». Образы главных героинь и сюжет обоих произведений во многом схожи. Многие интертексты, выполняя основные функции в тексте, также входят в состав различных тропов и стилистических фигур. Так, в системе образов имена героев и цитаты из произведений У. Шекспира часто являются метафорами и сравнениями. Например, герой романа «Некуда» доктор Розанов отождествляется с Гамлетом: *...наш медицинский Гамлет всегда мрачен* [Лесков: 76]; *А ты, Гамлет, весь день молчал и то заговорил* [Там же: 233]. В качестве сравнений выступают также образы Отелло, короля Лира, леди Макбет и других шекспировских персонажей.

Американская литература в качестве интертекста в творчестве Н.С. Лескова представлена таким известными современниками писателя, как Ф. Брет-Гарт, Ф. Купер, Г. Лонгфелло и Э. По. Так, цитаты из стихотворений американского поэта

Г. Лонгфелло дают яркую характеристику персонажам. Например, по мнению И.В. Столяровой, Н.С. Лесков неслучайно «одаряет» героиню романа «Некуда» Лизу Бахареву в трудную минуту «томиком стихов своего любимого поэта Лонгфелло» [Столярова: 65]. Лиза читает стихи, и эти цитируемые автором «строки в контексте главы звучат как поэтический гимн проявляемой ею высокой устремленности и крепости духа»: *Звезда непобедимой воли, она восходит в моей груди: ясная, тихая и полная решимости, спокойная и самообладающая... И ты также, кто бы ни был ты, читающий эту короткую песню, если одна за другой уходят твои надежды, будь полон решимости и спокоен* [Там же: 65].

Таким образом, интертекстуальные связи в творчестве Н.С. Лескова с английской и американской литературой обширны и разнообразны. Они проявляются на уровне цитат, образной системы персонажей, сюжетно-композиционного построения произведений, на уровне жанрообразования. Чаще всего писатель ссылается на пьесы английского поэта и драматурга У. Шекспира. Благодаря интертекстуальным отношениям в произведениях создается оригинальная атмосфера и уникальные образы героев, дается характеристика чувств и состояний персонажей.

Литература

Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Вестник Московского университета. 1995. №1. С. 97–124.

Лесков Н.С. Полн. собр. соч.: В 11 т. М., 1956–1958. Т. 2.

Столярова И.В. В поисках идеала. Творчество Н.С. Лескова. Л., 1978.

Союз «или» как языковой сигнал сказа (на материале произведений Н.С. Лескова)

Фомина Наталья Сергеевна

Кандидат филологических наук, старший преподаватель Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия

Проблема сказового генезиса и его типологии в творчестве Н.С. Лескова уже получили более или менее однозначное толкование, однако языковые «сигналы» (термин В.В. Виноградова) сказа до сих пор мало изучены. В большей степени это касается «сигналов» синтаксического уровня. Синтаксис Лескова полон непринуждённых форм, грамматических неправильностей, пропусков, повторов, усечений, эллипсисов, интонационных выделений. Благодаря этим и другим своеобразным конструкциям Лескову удается отразить в письменном тексте спонтанность, неподготовленность устной речи рассказчика, присущие ей гибкость и прерывистость.

Особого рассмотрения требуют конструкции с союзом «или». Обычно этот союз выполняет разделительную функцию, однако ещё Н.И. Греч писал о другом его значении: «...онный без повторения может означать и исключение одного выражения другим, а не мысли или предложения, например: *пираты, или морские разбойники, тревожат берега*. В сем случае представляется на выбор только то или другое выражение и союз *или* здесь некоторым образом пояснительный» [Греч: 392]. Действительно, функция конструкций с союзом «или» в текстах Лескова часто сводится к введению синонима, нередко в этих случаях союз «или» сопровождается вводными словосочетаниями, которые уточняют значение этого союза, так как он омонимичен, и указывают на коммуникативную функцию повторного наименования.

В лингвистической литературе можно столкнуться с разными точками зрения по поводу определения сущности данных конструкций. По мнению Г.А. Основиной, их нельзя называть пояснительными в терминологическом смысле, следует отграничивать от пояснения «уточнение каких-то компонентов мысли (или всего высказывания в целом) путем замены не совсем точного компонента высказывания другим, более точно, адекватно передающим мысль» [Основина: 48]. Вместо пояснения она предлагает использовать термин уточнения-поправки, логические уточнения,

поскольку обособленный компонент «обозначает совсем другую реалию и уточняет мысль, отвергая, заменяя собой» [Там же]. По мнению исследователя, необходимо говорить не о пояснительной, а о сочинительной связи компонентов.

Отнесение такого типа конструкций к сочинительным противоречит характеру отношений между компонентами. В качестве критерия разграничения Г.В. Маркелова предлагает проверить возможность опущения одного из компонентов. Благодаря функционально-синтаксическому параллелизму, который является важным грамматическим признаком пояснительных конструкций, опущение одного из членов пояснения при сохранении семантико-грамматической целостности предложения представляется возможным. Тогда как редукция одного из компонентов при сочинении невозможна, так как «в сочинительных конструкциях послесююзная часть является не факультативной, а обязательной» [Маркелова: 10]. Без неё предложение оказывается незавершенным и в смысловом, и в грамматическом отношении, поскольку послесююзная часть имеет собственный объект номинации и несет противоположную по смыслу информацию.

В произведениях Лескова рассматриваемые конструкции демонстрируют введение в текст двух номинаций одного референта. Часто вторая номинация является более предпочтительной, верной, точной. Вместе с тем вряд ли на этом основании можно утверждать, что второе обозначение является противоположным по смыслу первоначальному, не столь удачному, и отвергает его. Наиболее правильным будет здесь не второе обозначение само по себе, а именно двойное обозначение, что связано с коммуникативной спецификой построения письменной художественной речи. Автор не скрывает от читателя процесс создания, отделки речи героя, поэтому различного рода уточнения-поправки на виду.

Иная формулировка, вводимая в предложение пояснительной конструкцией, не снимает предыдущего обозначения явления, предмета или признака, а лишь вводит другую вариацию той же мысли, передает то же содержание другими словами. Несмотря на то, что оба компонента конструкции обозначают один и тот же референт, они не являются избыточными. «При двойном обозначении предмета речи внимание читателя фиксируется на разных сторонах одного и того же явления, которое сначала предстает как бы «в общем плане», а при повторном обозначении выделяется какая-либо его сторона или определенный признак того же объекта» [Маркелова: 9]. Причем первая номинация предмета или признака представляет собой лишь самое общее указание, а второе обозначение более полно его раскрывает, конкретизирует. Пояснительные конструкции помимо функции собственно конкретизации могут выполнять и характеризующую, оценочную функцию.

По верному замечанию А.Ф. Прияткиной, «пояснение, существенно обогащает предложение в содержательном отношении; часто несет в себе информацию, а иногда является главной смысловой частью сообщения» [Прияткина: 50]. Добавим, что в языке Лескова пояснительные конструкции не просто «существенно обогащают» смысл предложения, а порой переворачивают, делают противоположным, противоречащим смыслу предыдущей конструкции. «Случайно» вставленное пояснение позволяет увидеть истинное отношение автора к происходящему. Сатира Лескова, как и все его творчество, отмечена неповторимым художественным своеобразием. Отчасти это своеобразие заключается в таком нетрадиционном использовании пояснительных конструкций.

Литература

Греч Н.И. Практическая русская грамматика. СПб, 1827.

Лесков Н.С. Собр. соч.: В 12 т. М., 1989. Т. 1.

Маркелова Г.В. Развитие средств авторизации в синтаксической системе русского языка: История пояснительных конструкций: семантический и функциональный аспекты. Тверь, 1994.

Основина Г.А. Приложение и уточняющие члены предложения // Предложение как многоаспектная единица языка. М., 1984. С. 48–53.

Пряткина А.Ф. Осложненное простое предложение. Владивосток, 1983.

Особенности «чудес» в рассказах Н.С. Лескова

Чебыкина Настасья Владимировна

*Студентка Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Архангельск, Россия*

Рассказ о чуде – это один из традиционных жанров христианской литературы. Будучи краткой формой, он обычно включается в произведение, чьи границы существенно шире, например, житие. Н.С. Лесков, во многом ориентируясь в своем творчестве на традиции средневековой книжности, также включает в текст произведений повествование о чудесах.

Особенности чудес в произведениях Н.С. Лескова, в силу ограниченности жанра тезисов, мы рассмотрим на примере только двух рассказов: «На краю света» и «Несмертельный Голован».

В рассказе «На краю света» есть два чуда, о которых рассказывает отец Кириак. Первое чудо отца Кириака связано с «чудесным» спасением от наказания: "В третьем классе я был ещё, и очень мне в поле гулять идти хотелось. Мы, трое мальчишек, пошли у смотрителя рекреацию просить, да не выпросили и решились солгать. ... А к вечеру на меня страх напал ... я скорей драпа, да в баню, спрятался под полок, да и ну молиться: «Господи! хоть нельзя, чтобы меня не пороть, но сделай, чтобы не пороли!» И так усердно об этом в жару веры молился, что даже запотел и обессилел; но тут вдруг на меня чудной прохладой тихой повеяло, и у сердца как голубок тепленький зашевелился, и стал я верить в невозможность спасения как в возможное... Просыпаюсь, слышу, товарищи-ребятишки весело кричат: «...тебя пороть не будут, ревизор приехал и нас гулять отпустил»" [Лесков.: 20].

Само событие можно определить, как «простое», обыденное, связанное с обычным совпадением. Главное чудо заключается в чувстве «голубка за пазушкой», ощущении Божественного присутствия. Но это чувство тоже можно объяснить: испуганный, уставший от ожидания наказания ребёнок шепчет нескладную свою молитву, спрятавшись в бане под полок, и засыпает. Покой, который ощутил Кирюшка, мог быть навеян сном, усталостью, но такое объяснение по прочтении данного эпизода кажется нелепым. Отец Кириак верит в то, что свершилось чудо – чудо возникло благодаря вере в него и само укрепило эту веру.

Рассказ о «голубке за пазушкой» сознательно приближен Лесковым к чудесам древнерусского старообрядческого Жития протопopa Аввакума, особенно к чуду о принесении ангелом еды в темницу [Антропова: 86]. Комментарии Аввакума и архиерея, который «оценивал» чудо отца Кириака, почти совпадают: «езде Ему не загорожено» (Аввакум) – «по-нашему, попросту, всюду ходит» («На краю света»). Сами события разные, но суть их одинакова: происшествие на грани чудесного и обыденного, воспринятое самим очевидцем как чудо. В том и в другом рассказе чудо – это помощь верующему человеку, но в случае с отцом Кириаком появляется дополнительный смысл: доказательство существования Бога.

Второе чудо отца Кириака, связанное с поступлением в семинарию, тоже по своему содержанию не является чудесным. Перелом руки стал причиной поступления без экзаменов, страшивших мальчика: "Повели меня в больницу и положили, а отец туда пришел и говорит: «Не тужи, Кирюша, тебя зато теперь без экзамена приняли». Тут я и понял, как Бог-то все устроил, и плакать стал". Это чудо, так же как и первое, не является само по себе необыкновенным событием, но в отличие от первого, по определению рассказчика, это чудо «с вразумлением», поучительное: «не знал я,

дурачок, чего просил» [Лесков: 21]. Следует подчеркнуть, что сочетание отклика на молитву праведника и «наказания» (которое является частью выполнения просьбы) не является характерным для традиционных рассказов о чудесах.

В рассказе «Несмертельный Голован» особую роль играют народные поверья. Также не характерные для традиционной агиографии, в «житии» Голована они становятся неотъемлемой частью преобразенной традиции. Именно народные поверья, связанные с языческим восприятием мира, становятся основой для многочисленных «чудес», начиная от «несмертельности» и заканчивая усмирением мора. «Несмертельность» Голована людская молва объясняет тем, что «праведник» нашел потерянный аптекарем «безоар-камень». Самое главное Головановское «чудо» – «избавление» людей от эпидемии. Голован, бесстрашно помогавший людям во время эпидемии, отрезал зараженный участок тела, чтобы не заболеть самому. Рационально объяснимый поступок превратился в «чудо»: Голован, «изболясь за людей, бросил язве шмат своего тела, чтобы он прошёл жертвицей по всем русским рекам... и тем Голован за всех отстрадал».

Но Голован «праведник» не потому, что способен на «чудо», а потому, что он рядом с людьми в самую трудную минуту. Здесь прославляемое народом «чудо» имеет две функции: с одной стороны, оно противопоставляется истинному подвигу праведника, а с другой – превращает историю Голована в легенду: поверили люди, что Голован остановил эпидемию, значит, для них это так, для них это чудо. В то же время рассказчику в поступках Голована тоже видится чудо, но уже не некое волшебство, а простое человеческое чудо великой души.

Заканчивается рассказ смертью «праведника». При этом рассказчик говорит: «Он умер, и притом не самым опрятным образом: ... утонув в кипящей ямине, куда упал, спасая чью-то жизнь или чьё-то добро» [Лесков: 148]. Такая концовка одновременно и нарушает, и продолжает традицию агиографического жанра. Бытовой характер обстоятельств мученической смерти Голована, так же как и совершаемых им «чудес», не снижает образ, а придает осмысленность «обычной», обыденной жизни, преображает ее. «Рассказы Лескова – переводные с языка христианской мистики на язык житейской обыденности» [Лукьянчикова: 12]. Именно обыденность противостоит духовному подвигу человека, но подвиг этот возможен.

Литература

Антропова Н.А. Рассказы о чудесах в произведениях Аввакума и Епифания как социальный феномен // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 13. М., 2008.

Лесков Н.С. Сочинения: В 3 т. М., 1988. Т. 2.

Лукьянчикова Н.В. Трансформация агиографической традиции в произведениях Н.С. Лескова о «праведниках»: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2004.

Типология «таинственного» у Н.С. Лескова

Шкапа Елена Сергеевна

Студентка Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия

Многие произведения Н.С. Лескова могут быть определены подзаголовком рассказа «Александрит» – «Натуральный факт в мистическом освещении» [Лесков 1989: 395] – поскольку, на наш взгляд, именно в этом заключается механизм создания произведений этого автора.

Рассказы Лескова часто воспринимаются как абсолютно реальные факты, описывающие действительность. Причём документальность замечают не только читатели, литературоведы, но и историки не оставляют без внимания его произведения, которые часто служат дополнительными источниками по этнологии.

Горелов А.А. утверждает, что «этнографическое внимание к жизни было постоянным состоянием писателя, оно отвечало потребности Лескова в

соприкосновении с возможно большим числом лиц, событий, явлений – потребности познания России» [Горелов: 110].

«Достоверные случаи», рассказанные автору либо пережитые им самим, явились основой для рассказов «Привидение в Инженерном замке», «Путешествие с нигилистом», «Белый орел», «Пустоплясы», «Справедливый человек» и других.

Восприятию описанного факта как достоверного способствуют многочисленные заверения рассказчиков об истинности рассказанного, детальных описаний героев, пейзажей, а также упоминания современных Н.С. Лескову лиц, мест, событий, участником которых был не только он сам.

Итак, описание жизненных картин занимает значительное место в творчестве Лескова, однако, по замечанию В.Ю. Троицкого, «для Лескова-реалиста быт – не тема или проблема произведения, а лишь фон, среда» [Троицкий: 109]. Действительно, Лесков не был бытописателем, но именно таким образом он мог показать действительность, не отступая от правды.

Отметим, что повествования ведутся от лица рассказчика, который чаще всего является участником событий, или мемуариста. Читатель воспринимает «натуральный факт» через призму субъекта повествования. Осознать тайну Лесков пытается, отталкиваясь от жизни, с точки зрения земного сознания.

В фантастическом рассказе «Белый орел»: «Меня это больше всего занимало со стороны субъективности. В том, что "есть вещи, которые не снились мудрецам", я не сомневаюсь, но как такие вещи кому представляются – это меня чрезвычайно занимало. И в самом деле, субъективность тут достойна большого внимания» [Лесков 1958: 6]. Мистическое, таинственное здесь перенесено на личность говорящего, на его субъективные представления.

Многочисленные загадки у Лескова имеют своим источником народные приметы, поверья (например, в «Жемчужном ожерелье»), мифологические представления о духах, нечистой силе, которая бродит по ночам («Привидение в Инженерном замке»).

Однако в большинстве рассказов Лескова таинственное объясняется повествованием, появляются реальные причины того или иного чуда. Таким образом, всё является закономерным. В «Белом орле» грезы, видения главного героя можно объяснить временным помешательством, в рассказе «Неразменный рубль» таинственность снимается указанием на то, что всё было сном, и никакого неразменного рубля не существует, а в произведении «Привидение в Инженерном замке» привидения оказываются живые люди, которые пытаются разыграть других, наряжаясь в простыню.

При изучении святочных произведений замечаем, что природа таинственного у Лескова разная. Также в рассказах по-разному отражается причина необычных явлений. На основе более внимательного прочтения считаем возможным выделение трёх групп святочных рассказов.

Итак, к первой группе можно отнести рассказы, в которых таинственное присутствует в действительности, однако до конца рационального, логического объяснения оно не получает, как, например, в рассказах «Чертогон», «Белый орёл», «Пустоплясы», «Зверь».

В других рассказах Лесков пытается объяснить мифологический факт. Чаще всего причиной таинственного и необъяснимого являются народные предрассудки. К этой группе рассказов можно отнести «Пугало», «Привидение в Инженерном замке», «Дух госпожи Жанлис».

К третьей группе отнесем рассказы, которые, скорее, можно назвать странными, удивительными. В этих произведениях преимущественно отражаются общественные веяния, а чуда как такового, то есть присутствующего, реализующегося в действительности, нет. К числу таких произведений относятся «Жемчужное ожерелье»,

«Неразменный рубль», «Отборное зерно. Краткая трилогия в просонке», «Обман», «Штопальщик», «Жидовская кувырколлегия», «Фигура», «Старый гений». В большей степени в них отражены основные черты русского народного характера, а также православие.

Жизнь, все её наполнение, по Лескову, – взаимодействие «натуральных фактов» и их «мистического освещения», причём мистика не есть сверхчувствительность, необъяснимость, но расширение, углубление понимания жизни; правда жизни выше вымысла. Соединение «натурального факта» и мистического у Лескова представляется очень органичным. Подзаголовок рассказа «Александрит» помогает нам понять, что для писателя есть жизнь. Это есть полнота реальности. Такое «двойное зрение» характерно для мифологического сознания, фольклора, так как необычные события в рассказах протекают на фоне действительности.

Литература

Горелов А.А. Лесков и народная культура. Л., 1988.

Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1956–1958. Т. 7.

Лесков Н.С. Собр. соч.: В 12 т. М., 1989. Т. 7.

Троицкий В.Ю. Лесков – художник. М., 1974.